

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

(АМЕРИКАНСКАЯ ОХРАНКА В ДЕЙСТВИИ) *

П. В. Костин

Сакко и Ванцетти так же, как и Салседо, были схвачены в ходе широкой операции против прогрессивных элементов, получившей в истории название по имени тогдашнего министра юстиции «пальмеровских облав». В подготовительной стадии этой операции особая роль отводилась тайным информаторам, штат которых необычайно вырос, в особенности после того, как стало известно о создании в сентябре 1919 г. Коммунистической партии Америки и Коммунистической рабочей партии Америки. Впоследствии один из сотрудников Бюро расследований отмечал, что информация тайных доносчиков о создании во многих местах ячеек коммунистического движения, полученная в течение октября — декабря 1919 г., содействовала установлению прямых связей между Бюро расследований и министерством труда, которое единственно только и правомочно было выдавать санкции на аресты участников рабочего движения. Деятельность тайных агентов, выслеживавших активистов левого крыла рабочего движения, уже тогда стала настолько заметной, что об этом прямо писалось в печати. «The New York Times» заявляла: «Четыре месяца подряд люди из министерства юстиции, бросив все, занимаются только красными. Агенты тайком проникли в ряды радикалов, просочились в центры агитации. Для этого они прикидываются простыми рабочими — поварами в отдаленных шахтерских поселках, шахтерами, металлургами, и там, где становится возможным, выдают себя за агитаторов бунтарского типа»¹.

Наконец, по расчетам министерства юстиции, наступило время для решительных действий. Первый удар готовился против Федерации клубов русских рабочих, основанной в 1907 г. рабочими, в разное время иммигрировавшими из царской России. Выбор пал не случайно. Он был обусловлен стремлением правительства поддержать легенду о том, что вызов традиционным институтам исходит в первую очередь от инородцев, готовых отдать на поругание святыни Америки. Помимо этого, налеты на клубы русских рабочих преследовали еще одну цель — дискредитировать идеалы революционного пролетариата России, изобразив его злым чудовищем, жаждущим покорения всего мира коварными средствами тайных подкопов, заговоров, покушений и вооруженных путчей. Установившееся тесное сотрудничество с Иммиграционным управлением министерства труда подавало Пальмеру и Гуверу самые лучшие надежды на успех. (Этот союз двух правительственных учреждений, основанный на общем понимании задач государственной власти, с течением времени, как мы увидим, становился все более прочным.) Но накануне облав известное беспокойство обоим ведомствам доставляло отсутствие действительных доказательств о намерении членов клубов русских рабочих и других прогрессивных рабочих организаций насильственным путем узурпировать власть вопреки воле подавляющего большинства американцев. Поэтому решено было позаботиться о том, чтобы сфабриковать хотя бы косвенные улики о наличии планируемого вооруженного заговора. Для этого воспользовались творчеством тайных осведомителей, которые за дополнительное вознаграждение всегда готовы были дать свободу фантазии и обнаружить целый арсенал оружия и легионы грозных боевиков там, где их не было и в помине. Вот полный текст донесения одного из иммиграционных чиновников в штате Массачусетс помощнику министра труда, донесения, датированного ноябрем 1919 г. (месяц налетов на русские клубы) и целиком основанного на такого рода не заслуживающей доверия информации². Обращает на себя внимание беспорядочное нагромождение невероятных «открытий» и желание придать им особое политическое звучание путем увязки с «подрывной деятельностью» советского представительства в США, возглавляемого тогда Л. К. Мартенсом.

Министерство труда США,
Канцелярия министра,
Вашингтон, округ Колумбия.

21 ноября 1919 г.

Меморандум помощнику министра

Вчера в 4 часа пополудни я получил известие от м-ра Крипана и м-ра Березняка, которые ранее уже упоминались в докладе от 24 октября. М-р Крипан поделился самой последней информацией о деятельности Русского клуба в Куинси, штат Массачусетс. М-р Крипан заявил, что на последнем собрании, имевшем место во вторник вечером, было решено повысить ежемесячные взносы с тем, чтобы создать необходимый фонд для закупки оружия, которое подлежит раздаче на следующем собрании. М-ру Крипану предложили работать в качестве секретаря клуба, в связи с чем он за-

* Окончание. Начало см. «Вопросы истории», 1967, № 1.

¹ См. M. Lowenthal. The Federal Bureau of Investigation. N. Y. 1950, p. 153.

² National Archives. General Records of the Department of Labor, 20/580—20/638.

просил меня, как ему поступить. Я посоветовал ему занять этот пост и передать мне список его 85 членов, все из которых иммигранты и подлежат депортации. М-р Крипан далее заявил, что м-р Скульский, развездной представитель Мартенса, главы Советского правительства (так в тексте.— П. К.) в Нью-Йорке, обратился на одном из собраний клуба к его членам и заявил, что на следующем собрании, которое состоится во вторник 2 декабря в 8 часов вечера, он снабдит каждого члена оружием и необходимым снаряжением. Он призвал собравшихся пробудиться и заявил, что настало время для действий, а без оружия ничего путного нельзя сделать.

М-р Крипан говорит, что м-р Скульский свяжется с ним за несколько дней до предстоящего собрания с тем, чтобы быть уверенным, что необходимые средства собраны, и в случае, если это будет сделано, он раздаст оружие...

Я заверил м-ра Крипана, что его имя будет держаться в секрете, так как он подвергается большой опасности, выполняя роль осведомителя. Администрация Фор-Ривер шипбилдинг компани также настаивала на том, чтобы истинное лицо м-ра Крипана не было раскрыто, даже если ради этого и придется арестовать его вместе с остальными членами клуба. М-р Крипан говорит, что оружие будет доставлено в помещение Русско-го клуба, 65, Самнер-стрит, Куинси, штат Массачусетс, в 8 час. вечера в день собрания.

Прошу Вашего решения касательно моего намерения заполучить список членов клуба через м-ра Крипана на случай, если будет получено указание о депортации, а также в отношении ордера на обыск, целью которого будет служить изъятие оружия и снаряжения, и на арест всех иммигрантов, присутствующих в клубе в момент обнаружения оружия.

С уважением (Маккарти),
Иммиграционный инспектор

Вот таким измышлениям платных доносчиков придавалось решающее значение в определении степени причастности рабочих союзов и других общественных групп к якобы планируемому насильственному свержению законного правительства США. Кстати, все поиски оружия и взрывчатых веществ, месторасположение которых обычно точно указывалось в доносах, оканчивались ничем.

Возникло и другое соображение, которое досаждало Бюро расследований. Оно касалось процедурных вопросов. Дело в том, что тайные осведомители Бюро расследований, вроде Крипана и Березняка, как полагали их патроны, не могли открыто выступать в качестве свидетелей на судебных процессах над «коммунистическими заговорщиками», ибо это привело бы к концу их шпионской карьеры. Выход из шекотливого положения нашли, решив лишить права на защиту обвиняемых. Предполагалось, что плохо осведомленным в деталях судопроизводства жертвам будущих облав не придет в голову добиваться от обвинения раскрытия подлинных источников информации об их причастности к «заговору». В одном из писем руководителю Иммиграционного бюро Э. Гувер писал, что разрешение арестованным сноситься со своими адвокатами означало бы «поражение правосудия» (!) и крах всего предприятия³. Доводы Гувера оказались очень убедительными для ответственных правительственных чиновников и самого М. Пальмера.

Осенью 1919 г. правительственные ведомства окончательно согласовали план действий. Он включал внезапно и одновременное нападение на штаб-квартиры многих рабочих союзов, массовые аресты, снятие судами показаний с тайных осведомителей (при закрытых дверях), захват всей корреспонденции организаций, попавших в «черный список», допрос арестованных с предъявлением им обвинений в антисоударственной деятельности на основе доносов анонимных свидетелей. Арестованные подлежали полной изоляции от внешнего мира, а отправка в принудительном порядке за океан должна была венчать всю эту процедуру. Престон пишет: «Как поросенок, попавший на чикагские скотобойни, иммигрант (предполагалось, что экзекуция должна быть произведена в первую очередь над рабочими-иммигрантами, связанными с деятельностью прогрессивных организаций.— П. К.) должен был быть брошен на движущуюся ленту конвейерной линии разделки туш, лишен всех прав и упакован для заморского путешествия — и все это в ходе одной умело организованной и непрерывной операции. Американский технический гений пригодился для того, чтобы поставить административное мероприятие на манер поточного производства»⁴.

7 ноября 1919 г. агенты Бюро расследований провели по всей стране рейды против Федерации клубов русских рабочих. Главный удар был нанесен по русскому народному дому на 15-й стрит в Нью-Йорке, в то время как их коллеги проводили рейды в 12 других городах. 300 человек, застигнутых налетами в помещениях союзов, были арестованы, многие избиты, но в целом результаты рейдов были разочаровывающими. Большинство задержанных оказались гражданами, не подлежащими депортации, добрая же часть посещала клубы с чисто просветительными целями. В довершение всего, как и следовало ожидать, не было обнаружено никаких следов приготовления к вооруженному путчу⁵. Но это не обескуражило инициаторов политических репрессий. Никаких

³ W. Preston. Aliens and Dissenter. Federal Suppression of Radicals, 1903—1933. Cambridge (Mass.). 1963, p. 219.

⁴ Ibid., p. 220.

⁵ F. J. Cook. FBI — Nobody Knows. N. Y. 1964, p. 97.

изменений в общий стратегический план внесено не было. Подготовка к следующей фазе — налетам на помещения организаций компартии, ИРМ, различных прогрессивных организаций и т. д. — продолжала идти полным ходом. Вскоре агенты-provocatory Бюро расследований, являющиеся членами левых организаций, получили инструкции выступить с инициативой собраний и митингов, приуроченных к «дню X»⁶. Полагали, что так будет удобней производить аресты — сразу, скопом, без лишней затраты средств и сил. 27, 28 декабря 1919 г. филиалам Бюро расследований во многих городах были разосланы директивы из Вашингтонского центра за подписью директора Бюро: «Вечером в день арестов наше учреждение (штаб-квартира Бюро расследований в Вашингтоне.— П. К.) будет функционировать всю ночь, и я хотел бы, чтобы Вы сносились с м-ром Гувером каждый раз, когда возникнет такая необходимость по ходу арестов. В Вашем распоряжении время с 7 час. вечера до 7 час. утра следующего дня, которое должно быть использовано для производства арестов и снятия допросов. Я предлагаю Вам утром, после того как будут произведены аресты, прислать специальным письмом на имя м-ра Гувера список фамилий подвергнутых аресту лиц с обозначением их места жительства и принадлежности к общественной организации, а также информацию о том, были ли они включены в первоначальный список лиц, подлежащих аресту. Я прошу Вас также сообщить детально о результатах арестов в телеграмме с пометкой «Внимание м-ра Гувера». 31 декабря исполняющий обязанности директора Бюро Берк вновь напомнил шефам филиалов о порядке проведения операции: «Аресты и снятие допросов должны быть завершены утром в субботу 3 января 1920 г., после чего всю информацию надлежит направить специальной почтой на имя м-ра Гувера»⁷.

Со 2 по 6 января 1920 г. министерство юстиции в сотрудничестве с полицией и иммиграционными властями провело серию облав на ячейки коммунистических партий, местные отделения различных прогрессивных организаций и отдельных граждан. Аресты проводились широким бреднем: чем больше людей попадало в него, тем большим мыслится устрашающий эффект. В тюрьмы отправляли даже случайных прохожих, имевших несчастье оказаться поблизости от зданий, где орудовали агенты Бюро расследований. Риску быть упрятанным за решетку подвергался каждый, кто останавливался спросить, что происходит, или просто взглянуть на суматоху. Хватали по малейшему подозрению в принадлежности к прогрессивным организациям. Среди арестованных наибольший процент составляли простые рабочие — сталелитейщики и медеплавильщики, плотники и маляры, печатники, официанты, шоферы, механики, сапожники и т. д.⁸. Выступая перед сенатским комитетом по юридическим вопросам в 1921 г. М. Пальмер заявил, что он не знает точного числа арестов, произведенных в результате налетов в январе 1920 г., и что для того, чтобы привести верную цифру, он должен проконсультироваться с Гувером, «который был ответствен за рейды»⁹. Последующими подсчетами было установлено, что около 10 тыс. американцев было подвергнуто длительному аресту по негласному обвинению в попытках насильственного ниспровержения правительства США. Но самый придирчивый обыск принес никудышные результаты: было обнаружено всего три пистолета. Из них, кажется, два оказались непригодными для стрельбы и больше были приспособлены для любительских спектаклей, чем для баррикадных боев. По этому поводу американский историк Шлезингер-младший не без иронии заметил, что старания, изъятые у радикалов, вряд ли было достаточно для «гигантского заговора»¹⁰. Однако уклады прессы и слабая критика в конгрессе, раздававшаяся в адрес политической полиции, не вызвали никаких угрызений совести у последней. И то и другое просто было отнесено за счет симпатий к идее социальной революции, а полицейские крайности изобразались как неизбежная цена за состояние «готовности» противодействовать «безумным радикалам». «Я думаю,— говорил Пальмер, выступая перед сенатским комитетом,— на все это можно просто закрыть глаза в свете той общей пользы для страны, которая была извлечена из этих действий»¹¹. Сенат фактически согласился с ним.

Террор нанес немалый урон развитию прогрессивных тенденций в рабочем движении США. Большинство местных отделений ИРМ и других боевых профсоюзов было разгромлено. Коммунистические партии были вынуждены работать в условиях полугалегального существования. В июне 1920 г. Главный расследовательский отдел (ГРО), оценивая собственный «вклад» в борьбу с политической оппозицией за первые десять месяцев своего существования, констатировал: «Результатом арестов был... заметный спад революционной активности в Соединенных Штатах». В декабре того же года руководство ГРО вновь высказалось в том духе, что принятые меры «привели к разгрому коммунистических партий в стране»¹². Это было, конечно, бахвальством набивающих себе цену чиновников, но трудности, которые создавала охранка на пути расширения ком-

⁶ M. Lowenthal. Op. cit., p. 149.

⁷ «Congressional Record». Vol. 87, Pt. 12, Appendix, p. 2470.

⁸ M. Lowenthal. Op. cit., p. 159.

⁹ «Congressional Record». Vol. 87, Pt. 12, Appendix, p. 2470.

¹⁰ A. M. Schlesinger, Jr. The Crisis of the Old Order, 1919—1933, L. 1957, p. 44.

¹¹ C. M. R. K. Murrey. Red Scare: A Study in National Hysteria, 1919—1920. Minneapolis. 1955, p. 256.

¹² M. Lowenthal. Op. cit., p. 260.

мунистического движения, были огромными. В. И. Ленин в оценке перспектив рабочего движения в США считался с препятствиями объективного характера, с которыми пришлось столкнуться зарождавшемуся коммунистическому движению в США, вынужденному находить свою дорогу к массам в обстановке усиливавшихся репрессий и шовинистической истерии. «В самых просвещенных и свободных странах,— писал он в июле 1920 г.,— с наиболее «устойчивым» буржуазно-демократическим строем, правительства уже систематически прибегают, вопреки их лживым и лицемерным заявлениям, к ведению тайных списков коммунистов, к бесконечным нарушениям своей собственной конституции для полутайной и тайной поддержки белогвардейцев и убийства коммунистов во всех странах, к тайной подготовке арестов коммунистов, к введению провокаторов в среду коммунистов и т. д. и т. п.»¹³.

Но реакции не удалось отпраздновать окончательную победу в «социальной войне». То там, то здесь обнаруживались новые очаги прогрессивной инициативы, коммунисты, приспособившаяся к нелегальным условиям существования, перестраивали свои ряды. Столкнувшись с этими фактами, Бюро расследований объясняло живучесть радикальных настроений среди рабочих и части интеллигенции пропагандой и «происками» III Интернационала. Найдена была, таким образом, универсальная политическая формула, объявлявшая любое движение, в котором был элемент социальной критики, ересью, подброшенной извне безбожными силами, помышлявшими о насильственном разрушении исконных государственных институтов в США. «Возьмите всеобщую забастовку шахтеров... в 1922 г.,— иллюстрировал свою мысль директор Бюро расследований Бёрнс.— III Интернационал послал огромное число инструкций своим представителям в США, и среди прочих мы находим заявления и инструкции, согласно которым этим представителям поручалось сделать все возможное, чтобы толкнуть забастующих шахтеров на путь вооруженного неповиновения»¹⁴. За всеми этими драматическими фразами о подстрекательстве и об угрозе экспорта революции со стороны III Интернационала на самом деле крылось одно — стремление оправдать любые действия, направленные на пресечение экономической борьбы рабочего класса, его политической инициативы и усилий в защиту права на организацию в профсоюзы.

16 сентября 1920 г. на Уолл-стрите, в этом узком простенке, зажатом гигантскими зданиями банковских учреждений, как раз напротив бакирского дома Моргана, взорвалась нагруженная взрывчаткой конная повозка, неведомо как очутившаяся здесь. Невероятной силы взрывом несколько десятков прохожих было убито, сотни ранено, хотя никто из них не принадлежал к могущественной элите финансовых порабитителей капиталистического мира. Как и во всех других случаях, подлинные виновники катастрофы оказались вне досягаемости закона и избежали справедливой расправы. Это не помешало Бюро расследований, не колеблясь, указать на III Интернационал как на виновника трагедии. Специалисты по антирадикализму в ГРО полагали, что подброшенная прессе версия должна выглядеть очень правдоподобной.

Кому еще могла прийти мысль уничтожить «дом Моргана», как не тайному врагу, помышлявшему о страшной мести, этому заграничному средоточию дьявольских усилий? Годами ГРО вел расследование причин взрыва, арестовывал и освобождал людей, схваченных по подозрению в причастности к преступлению, усердно содействуя распространению всяких слухов и домыслов. Наконец, пишет Ловенталь, Бюро путем проникновения в радикальные организации, используя осведомителей, находившихся на федеральной службе, казалось, стало приближаться к желанной цели. Получив сведения из секретных источников, тайные агенты Бюро прибыли в Варшаву, добились заключения в польскую тюрьму некоего Линденфельда и вырвали у него признание, которое было опубликовано на следующий день в газетах. Линденфельд заявил, что III Интернационал финансировал организацию взрыва на Уолл-стрите. На второй день Бюро признало, что Линденфельд является одним из его осведомителей, пояснив, что в момент взрыва он не был на Уолл-стрите, но знал о нем. Дополнительные сведения поступили на следующий день, на этот раз вновь из Польши. Линденфельд заявил, что взрыв на Уолл-стрите — дело рук «Технического комитета» коммунистов. После Линденфельда внимание Бюро было перенесено на «убийцу», отбывавшего пожизненное заключение в калифорнийской тюрьме. Позднее Бюро отбросило версию о виновности калифорнийца и обратило свои взоры на человека, только что вернувшегося из Сибири: агенты Бюро повсюду разыскивали людей, кто знал хоть что-нибудь об этой подозрительной личности. Но в конце концов и этот таинственный пришелец из Сибири был отнесен к числу не причастных к заговору. Тайна взрыва 1920 г. продолжала оставаться нераскрытой¹⁵. В Ветхом завете утверждается, что осел видел то, чего не видел пророк. Говорящие куклы Бюро расследований оказались слишком болтливыми и, сами того не ведая, своими фантастическими вымыслами нанесли немалый урон престижу секретной службы, что сказалось, правда, лишь впоследствии. Осознание рядовыми американцами того, что им годами морочили голову, через какое-то время сделает Бюро расследований объектом критики печати. Но это произошло не сразу. Еще долго Бёрнс и его ведомство жожинали плоды с нивы, возделанной Пальмером и Гувером в 1917—1920 годах. Вот почему было бы неверно сказать, что полицейская фантазмагория во-

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 194—195.

¹⁴ M. Lowenthal. Op. cit., p. 272.

¹⁵ Ibid., p. 276.

круг взрыва на Уолл-стрите окончилась безрезультатно. Бюро расследований добилося от законодателей благосклонного отношения к плану расширения его деятельности. Особый упор делался на развитие сети тайных осведомителей. «Только эти люди могут раскрыть нити заговора»,— говорилось в докладе конгрессу. «Нетрудно представить себе,— заявлялось далее,— какие трудности приходится преодолевать в подборе кадров, соответствующих характеру работы, на которые можно было бы положиться, и, конечно же, мы подбираем их с великой тщательностью»¹⁶. Конгрессмены охотно вотируют дополнительные ассигнования на вербовку анонимных доносчиков и шпионов. Это дало возможность Бюро расследований в начале 20-х годов сделать самые энергичные шаги в направлении создания широкой системы промышленного шпионажа. «Попечением» Бюро расследований стали пользоваться подчас даже те тред-юнионисты, которые придерживались самой умеренной политической ориентации. Ведь и они практикой противодействия капиталу в экономической области наносили ему ущерб. С некоторых пор министерство юстиции стало открыто рассматривать профессиональные организации рабочего класса как потенциальный рассадник радикализма и как оплот антикапиталистических настроений. Его руководство в 1922 г. заявило, что оно приложит максимум усилий для того, чтобы отбить охоту у тред-юнионов посягать на принцип «открытого цеха», то есть пытаться распространить свое влияние на те отрасли промышленности, в которых предприниматели насильственно препятствовали созданию профсоюзов.

Духом нетерпимости к рабочему движению были отмечены все стороны деятельности министерства юстиции в 1921—1924 годах. Мэри Бирд, хорошо осведомленный и добросовестный историк-исследователь, писала: «Широко известно, что в этот период министерство юстиции сделало даже больше, чем в годы Пальмера, в своем стремлении сокрушить радикалов и рабочие союзы. Ежегодные доклады министерства юстиции неизменно содержали хвастливые заявления по этому поводу»¹⁷. Представители Бюро расследований на местах не гнушались сотрудничать с бандами гангстеров, нанимаемых предпринимателями с целью терроризировать рабочих. Во многих случаях вооруженный бандитизм оплачивался из федерального кармана. Фигура шпиона, тайного агента, состоящего на правительственной службе и действующего от лица правительственных ведомств в профсоюзном движении, получила вполне официальный статус. Многочисленным агентам вменялось в обязанность ежедневно информировать ГРО о положении на стачечном фронте, о внутренних процессах в тред-юнионах. Новое расширение сферы деятельности Бюро расследований вызвало известные перемены в организации работы центрального аппарата. «В Вашингтоне,— пишет Ловенталь,— Бюро расследований было организовано на военный манер с тем, чтобы действовать сообразно возникающим критическим обстоятельствам. Бюро выполняло работу, которая обычно ложится на плечи разведывательной службы в военное время, составляло ежедневную сводку о размерах и ходе забастовочной борьбы во всех уголках страны, и наносило все собранные данные на специальные ежедневные карты, предназначенные для министра юстиции и военного министра. Бюро выступало также с прогнозами о развитии событий в будущем»¹⁸.

Примечательно, что укоренение института промышленного шпионажа под эгидой Бюро расследований было сочувственно встречено реакционной верхушкой АФТ, рассчитывавшей с его помощью парализовать деятельность прогрессивных элементов в профдвижении. Министерство труда и его эмиссары на местах также оказались втянутыми в этот заговор «в интересах порядка». Узы между его представителями и политической полицией становились самыми тесными, в чем легко убедиться из секретного письма комиссара-посредника министерства труда в Калифорнии своему коллеге в Портленде (штат Орегон) с уведомлением о согласованных мерах, предпринимаемых в борьбе с прогрессивными элементами в рабочем движении на Тихоокеанском побережье¹⁹.

Министерство труда США,
Канцелярия министра,
Вашингтон, округ Колумбия.
502, Дом федеральных властей,
Лос-Анджелес, Калифорния.

26 декабря 1923 г.
М-ру, Э. Р. Мэршу,
Комиссару - посреднику
Министерства труда,
Портленд, Орегон

Секретно

Мой дорогой м-р Мэрш!

Настоящим письмом ставлю Вас в известность о том, что м-р В. Д. Бёрнс — шеф Бюро расследований — посетил Лос-Анджелес и все еще находится здесь. Во время совещания с чиновниками министерства юстиции 24 декабря здесь был обсужден вопрос об использовании тайного осведомителя. В тот же день капитан Гопкинс сообщил мне, что он разрешил использовать это лицо с означенной целью, причем агент будет работать под непосредственным руководством капитана Гопкинса. Автору этого письма со-

¹⁶ Ibid., p. 275.

¹⁷ «Congressional Record». Vol. 87, Pt. 12, Appendix, p. 2471.

¹⁸ M. Lowenthal. Op. cit., p. 284.

¹⁹ National Archives. General Records of the Department of Labor, 20/580—20/638.

общили, что агент сначала охватит своей деятельностью район Сан-Диего с целью получить определенную информацию, а затем уже в январе 1924 г. переберется на север с заданием установить контакт с Вами.

Было также высказано пожелание со стороны капитана Гопкинса, чтобы Вы посетили Лос-Анджелес и проконсультировались с ним, а также провели бы личное совещание с осведомителем с тем, чтобы рассмотреть план наблюдений и методы связи... М-р Бёрнс был информирован в деталях о возникшей ситуации, а капитан Гопкинс заявил, что он наделен властью засылать осведомителя в любой пункт с тем, чтобы заполнить интересующую нас информацию. Он также сказал, что полностью осведомлен о моем визите к м-ру Гуверу в Вашингтон в июне и итогах этого визита, в связи с чем он высказал свое пожелание сотрудничать с нами. Он в особенности удовлетворен тем обстоятельством, что принято решение об установлении контактов между его агентурой и некоторыми консервативными лидерами. Он убежден, что радикальные элементы в АФТ будут парализованы, если не полностью уничтожены или изолированы.

С уважением
Ч. Т. Коннелл
Комиссар-посредник

Приводимый ниже документ является продолжением доверительной служебной переписки между представителем министерства труда в Портленде (штат Орегон) и руководством Отдела посредничества этого министерства, на который и была возложена деликатная миссия всемерно содействовать Гуверу в его операциях. Содержание документа связано с выполнением все той же региональной программы сотрудничества секретной службы, министерства труда и обуржуазившейся верхушки АФТ в целях подавления левых групп в профдвижении тихоокеанских штатов, в районе, где классовые противоречия после событий в Сиэтле еще долго не утрачивали своей остроты²⁰.

Портленд, Орегон

1 января 1924 г.

Министерство труда США,
Канцелярия министра,
Отдел посредничества,
Вашингтон

Секретно

Мой дорогой м-р Кервин!

Как Вам, по всей видимости, стало известно от комиссара Коннелла, я собираюсь вернуться в Лос-Анджелес около 15 января с тем, чтобы провести совещание с чиновниками министерства юстиции и капитаном (Гопкинсом.— П. К.). В задачу совещания входит выработать план распространения опыта сотрудничества между ведомствами обоих министерств, хорошо зарекомендовавшего себя в Лос-Анджелесе, дальше на Северо-Запад. Мы рассчитываем вскоре заполнить точную информацию, которую затем передадим для сведения очень ограниченного числа заслуживающих полного доверия лиц в профсоюзном движении, как это уже делается в Южной Калифорнии. Одним из таких лиц будет К. О. Янг — профорганизатор АФТ на Северо-Западе...

М-р Янг в настоящее время имеет инструкции Самюэла Гомперса обследовать и сделать доклад о деятельности руководящих органов профдвижения в Такоме (штат Вашингтон) и Бьютте (штат Монтана). М-р Янг, Хассуел Дэвис (сотрудник министерства труда.— П. К.) и я сегодня встретились, чтобы обсудить создавшееся положение. Принимая во внимание то обстоятельство, что мы собираемся повторить операции, проводимые нами в Лос-Анджелесе, мы рассчитываем таким путем оказать практическую помощь Янгу, а он нам. Все это делает весьма важным его пребывание здесь и участие в решении проблем, возникших в Такоме, где он сможет поддерживать прямой контакт с нами. Я убежден, что м-р Гомперс жаждет получить доклад по поводу событий в Такоме и Бьютте к сессии Исполкома (АФТ.— П. К.) в феврале этого года. Если бы м-р Гомперс счел возможным позволить м-ру Янгу заняться прежде всего положением в рабочем движении в Такоме и согласиться с некоторой задержкой исчерпывающей информации с места событий, что дало бы нам несколько более продолжительное время для расследования и согласованных действий, то все это пошло бы на пользу как АФТ, так и нам...

Искренне Ваш
Э. Р. Мэрш

Как видно из документа, «решение об установлении контактов между агентурой Бюро расследований и консервативными лидерами АФТ», о котором упомянул Коннелл в письме Мэршу от 26 декабря 1923 г., реализовывалось быстрым ходом. В какие-нибудь 2—3 недели были установлены самые тесные связи между всеми «заинтересован-

²⁰ Ibid.

ными сторонами». Сеть внутреннего шпионажа, налаженная Бюро расследований, стала работать и на руководство АФТ. Несмотря на локальный характер приводимых документов, имеющиеся в них факты неопровержимо свидетельствуют о недвусмысленных отношениях Гомперса и его ближайшего окружения с тайной полицией.

Раскрытие беззаконий и провокационной деятельности Бюро расследований произошло в тот момент, когда, казалось, ничто не угрожало благополучию и еще большему расширению сферы воздействия политической полиции на общественную жизнь США. Выяснилось, что в своем усердии она зашла слишком далеко. Нападки и подвохи против отдельных видных буржуазных общественных деятелей и либеральных членов конгресса, скандальные истории, в которых оказались замешанными чиновники министерства юстиции самого высокого ранга, попали под огонь весьма острой критики, обнажившей картину позорного самоуправства и нарушений элементарной законности. Разоблачения ряда должностных преступлений в какой-то степени способствовали отрезвлению публики. Полицейская политика пробудила недоверие к себе, а затем и внутренний протест. Взрыв на Уолл-стрит, «признания» ясновидца Линденфельда и прочие мистификации Бюро расследований стали широко известны. Министр юстиции Догерти, преемник Пальмера, олицетворявший собой этот курс, пал. Президент Кулидж назначил на его место Харлана Стоуна, видного юриста, приверженца либеральных взглядов. Едва опустившись в кресло министра юстиции, Стоун заявил, что «Бюро расследований не должно интересоваться политическими или иными взглядами отдельных лиц. Оно должно интересоваться только их поступками, да и то только такими, которые несовместимы с американскими законами. Когда полицейская система выходит за эти рамки, она превращается в угрозу справедливому управлению правосудия и человеческой свободе, которую мы должны в первую очередь оберегать как святыню»²¹. Стоун заявил, что отныне министерство юстиции прекращает всякую охоту за «красными», ибо такое преследование несовместимо с принципами свободы политических убеждений. Полный внутреннего негодования и решимости восстановить конституционный порядок, попорченный его предшественниками, Стоун произвел генеральную чистку Бюро расследований. Первой жертвой ее стал директор Бёрнс. Сочли, что он слишком однообразен в приемах, прямолинеен, лишен фантазии и часто бестактен. 10 мая 1924 г. Стоун пригласил к себе в кабинет нового кандидата на вакантное место шефа Бюро. Этим кандидатом был Эдгар Гувер — руководитель Главного расследовательского отдела, специалист по борьбе с радикализмом. Когда Стоун предложил Гуверу занять должность исполняющего обязанности директора Бюро расследований, «Гувер не торопился схватить трофей, — пишет Кук. — Совершенно очевидно, что он предварительно взвешивал эту возможность и уже думал об условиях, на которых он мог бы согласиться на сделанное ему предложение. Вот почему он сказал Стоуну, что принимает предложение, но на «определенных условиях». Когда его попросили высказать их, Гувер так и сделал. Он заявил Стоуну, что должен иметь всю полную власть в вопросах кадровой политики; Бюро должно быть полностью освобождено от выполнения несвойственных ему политических функций; назначения и продления по службе должны быть поставлены в зависимость от индивидуальных заслуг сотрудников»²². Гувер требовал полной свободы рук для себя. Стоун ответил согласием.

Вступив в новую должность, Гувер в специальном меморандуме помощнику министра юстиции Уильяму Donovanу, как молитву, повторил слова Стоуна об обязанности Бюро расследований оставаться в рамках законности. Можно было подумать, что Гувер, в мгновение ока отделившись от ультраправого экстремизма, раскаялся в содеянном и с целью искупить вину вступил в члены Американского союза борьбы за гражданские права или либеральной Национальной гильдии юристов. Но это было вовсе не так. Как мы увидим из документов, ни в момент организационных передышек весной 1924 г., ни позже министерство юстиции и Бюро расследований не прекратили своей борьбы с демократическими движениями. Но спектакль, по-видимому, удался хотя бы потому, что и до сих пор продолжает ходить легенда о свертывании в 20-х и 30-х годах активности тайной полиции в борьбе с внутренней оппозицией и левым крылом в рабочем движении. Престон, например, пишет: «Под руководством Стоуна министерство юстиции и Бюро расследований вернулись к выполнению своих прямых обязанностей, связанных с контролем за соблюдением законов. К 1925 г. все, что осталось от энергичного крестового похода министерства юстиции, свелось к спискам подозрительных радикалов и секретным досье о них, которые были собраны рьяными детективами во времена Пальмера и Догерти. Хотя министр юстиции Стоун возражал против сбора информации об образе мышления и поведении радикалов, он не имел права уничтожить секретные архивы министерства юстиции без постановления конгресса. Эти досье оставались в качестве не имеющего практической ценности символа ушедшей в прошлое истории. И так продолжалось вплоть до 1939 г., когда Главный расследовательский (антирадикальный) отдел был воссоздан на новой основе. Только тогда правительство смогло использовать их с тем, чтобы наполнить старыми сплетнями новые «дела»²³. Правда, в другом месте Престон вынужден сделать следующее замечание, вскрывающее некоторую противоречивость в его убеждениях: «В архиве министерства юстиции име-

²¹ К. Ламонт. Свобода должна быть свободой на деле. М. 1958, стр. 169.

²² F. J. Cook. Op. cit., p. 137—138.

²³ W. Preston. Op. cit., p. 243.

ются документы, свидетельствующие, что правительство продолжило сбор информации о радикалах. Хотя Главный расследовательский отдел не существовал с 1924 по 1939 г., представители Бюро расследований на местах, по-видимому, не прекращали посылать в Вашингтон доклады о собраниях левых элементов, об ораторах, выступающих на них, и о различных организациях. Но министерство юстиции не предпринимало никаких действий, так как нарушений федеральных законов не было. Даже в сентябре 1926 г., например, представительство министерства юстиции в Чикаго имело специального агента, в функции которого входил контроль за действиями «красных»²⁴. Престон, очевидно, полагает, что ему удалось обнаружить тот рубеж, за которым всякие попытки найти следы заинтересованности политической полиции в делах рабочего движения бесцельны и необоснованны. Но это, как мы увидим, — глубокое заблуждение.

Другой исследователь, Ловенталь, так же как и Престон, верит в «чудо» преобразования Бюро расследований. Начиная с марта 1924 г., пишет он, «методы работы Бюро расследований были изменены, и к тому же времени антирадикальная программа ГРО была ликвидирована». Последнее, что нам известно из его книги о работе Бюро расследований в 20-х годах, — это новое подтверждение Гувером своих исключительно миролюбивых намерений. В декабре 1924 г. в ежегодном докладе Бюро расследований констатировалось, что после перестройки в поле зрения Бюро остались лишь «случаи нарушения федерального законодательства» и что оно было занято также «другими административными обязанностями, которые соответствовали полномочиям руководства министерства юстиции»²⁵. Здесь Ловенталь ставит точку и возвращается к истории политического сыска лишь в следующих главах своей книги, где речь идет о периоде после 1940 года. Кук, опираясь на факты, приведенные Ловенталем, высказывает мысль, что Бюро расследований к 1933 г. чуть ли не окончательно исчезло с политической сцены и стало малоизвестно широкой публике²⁶.

Все три автора допускают непростительную доверчивость и элементарный просчет. Разумеется, методы работы Бюро расследований изменились, но ее существо осталось прежним. В неблагоприятном общественном климате Бюро расследований удвоило осторожность, стало осмотрительнее. Оно избегало шумных эскапад в виде серий налетов, массовых арестов и «разоблачений» злодейских заговоров, направленных против общественного благополучия, но специальные службы министерства юстиции не отказались от услуг сети тайных осведомителей, от засылки агентов-provokаторов в рабочие организации, от слежки за лицами, оказавшимися на заметке в качестве членов демократических организаций. Кампании отлова «радикалов» методом «широкого бредня» были осуждены, но то же самое продолжали делать выборочно и, как правило, избегая огласки. Комиссары-посредники министерства труда на местах (формально обязанные заниматься лишь арбитражем во время трудовых конфликтов) совместно с филиалами Бюро расследований сделали немало для расстановки хитроумных ловушек против проводников прогрессивной инициативы в рабочем движении США. Вовлечение в этого рода действия на правах третьего партнера многих лидеров АФТ облегчило задачу правительственных ведомств. Все это с достаточной полнотой иллюстрирует секретный доклад официального правительственного эмиссара в Южной Калифорнии «Деятельность радикальных элементов на Тихоокеанском побережье», составленный для руководства в Вашингтоне и датированный 3 марта 1924 года. Документ красноречив сам по себе и, думается, не нуждается в особых комментариях. Обращают на себя внимание, однако, просвечивающие сквозь текст доклада «высокие» нравственные качества его составителя, отнюдь не страдавшего недостатком скромности и не пренебрегавшего шансом выслужаться перед начальством. Со скидкой на эти человеческие «слабости» автора доклад способен дать представление о размахе предпринятых комбинированных действий против левых сил в рабочем движении²⁷.

Министерство труда США,
Кабинет министра,
Вашингтон, округ Колумбия.
502, Дом федеральных властей,
Лос-Анджелес, Калифорния

3 марта 1924 г.

Достопочтенному Х. Дэвису,
Комиссару-посреднику
Министерства труда

Совершенно секретно

Деятельность радикальных элементов на Тихоокеанском побережье

Комиссар Мэрш и я полагаем, что нижеследующая информация должна быть доведена до Вашего сведения с тем, чтобы Вы ознакомили с ней м-ра Кервина, причем таким образом, чтобы данное сообщение не было подшито в дело обычным порядком,

²⁴ Ibid., p. 336.

²⁵ M. Lowenthal. Op. cit., pp. 298—300.

²⁶ F. J. Cook. Op. cit., p. 146.

²⁷ National Archives. General Records of the Department of Labor, 20/580—20/638.

принимаемая во внимание деликатную ситуацию, которая может возникнуть с учетом изложенного здесь материала.

Мы всегда считали, что нам принадлежит исключительная роль в осуществлении связи между консервативными лидерами АФТ и агентами министерства юстиции, причем если мы и присоединимся к линии, проводимой обеими сторонами, то лишь действуя за кулисами. В течение некоторого времени лидеры АФТ и консервативные лидеры местных отделений АФТ доверительно поставили нас в известность, что если будут обнаружены конкретные свидетельства против ряда членов цеховых союзов АФТ, уличающие их в том, что они являются членами Лиги профсоюзного просвещения, являющейся коммунистической организацией, то немедленно будут приняты меры с тем, чтобы исключить их из местных организаций путем издания специального циркуляра руководством Межнационального союза. С целью обеспечить достоверные и вполне конкретные улики, опираясь на которые консервативные лидеры могли бы действовать, не опасаясь стать объектом обвинений в сотрудничестве с полицией, агенты министерства юстиции устроили налет на коммунистов во время их очередного митинга 1 марта. Коммунисты собрались в том же здании, в котором обычно организуют свои митинги и члены ИРМ. Воспользовавшись этим, полиция решила устроить облаву на собрание членов ИРМ, а заодно посетить митинг коммунистов под предлогом, что они также являются членами ИРМ. Для того, чтобы получить необходимые улики, все лица, присутствующие на собрании Лиги профсоюзного просвещения, после рейда были задержаны полицией, препровождены в полицейский участок и занесены в специальный список, в который были внесены сведения о роде занятий задержанных. Как оказалось, все они заявили о себе как о членах организаций, разрешенных законом, и дали соответствующие сведения о своем вхождении в различные цеховые союзы, что и требовалось. Таким образом, официальный список полицейского управления содержит теперь имена всех этих лиц, которые были задержаны во время рейда и доставлены в полицейский участок, а также сведения о том, членами каких союзов они являются. Это может служить серьезным доказательством.

Вслед за тем лидеры местных союзов АФТ посетили полицейский участок, и им были переданы все необходимые данные. Отныне они, воспользовавшись обычными каналами, смогут исключить из членов союза каждого, на кого заведена карточка, свидетельствующая о его принадлежности к Лиге профсоюзного просвещения. К этому письму прилагается материал, содержащий имена всех задержанных лиц. Этот документ, изложенный в нарочитых выражениях с тем, чтобы скрыть подлинные цели налета, послужил самым лучшим намерениям и дал возможность передать в руки лидеров АФТ улики, на основе которых они могут начать действовать. Достигнуты самые обнадеживающие результаты в смысле уничтожения опасной группы, намеревающейся захватить союз изнутри. Вы можете теперь сделать свой собственный вывод в отношении того, какое участие принимает автор этого письма и его коллега (Мэрш.— П. К.) в осуществлении программы, разработанной в нашем ведомстве. События субботнего вечера явились кульминацией предпринятой операции, назначение которой состоит в том, чтобы снабдить ряд консервативных лидеров секретной информацией. Отныне они располагают ею, и теперь дело за ними в осуществлении поставленной задачи — избавить рабочие организации от нежелательных элементов. Результат рейда и арест активистов создадут все необходимые условия для того, чтобы вынудить коммунистов перейти к оборонительной тактике в этом районе, а это, в свою очередь, даст преимущество консервативным элементам и заставит их быть более активными.

Комиссар Мэрш и я по праву можем высоко оценить достигнутые результаты и надеемся повторить процедуру на Северо-Западе.

С уважением
Чарльз Коннелл

Правительственные ведомства, ответственные за борьбу с прогрессивными течениями в рабочем движении, рассчитывали, что левая оппозиция будет блокирована принимаемыми мерами, а затем полностью уничтожена. Экономический бум 20-х годов, как считали, должен был способствовать обесценению пропаганды прогрессивных элементов. Но этим надеждам не суждено было сбыться полностью. Более того, в рядах АФТ появилось оппозиционное течение (Конференция за прогрессивное рабочее действие и другие организации), авторитет которого постепенно возрастал. Созданная коммунистами Лига профсоюзного просвещения играла роль координационного центра для весьма многочисленных групп левого меньшинства в тред-юнионах АФТ, выступавших за последовательное проведение линии борьбы с классовой эксплуатацией трудящихся, не желавших мириться с соглашательством и буржуазной рабочей политикой приемников Гомперса в руководстве АФТ. Известное разочарование ждало и «умиротворителей» из министерств труда и юстиции, ответственных за «социальный мир» на Тихоокеанском побережье. Надежды на эффективность «процедур», проделанных в отношении левых элементов, также были далеки от осуществления. Процесс оказался устойчивым и жизнеспособным, хотя его развитие и было серьезно задержано. В секретном донесении в Вашингтон от 14 мая 1927 г., приводимом ниже, известный нам Коннелл отчасти сожалеет в неудачах, постигших программу борьбы с радикализмом в Калифорнии. И хо-

тя Коннелл и на этот раз не в силах отказать себе в хвалебном отзыве по поводу собственного «служебного рвения», тем не менее отмеченные им «подвиги» вряд ли выйдут слишком значительными рядом с фразой о «растущей активности радикальных элементов в Лос-Анджелесе» и дальнейшем «распространении их влияния»²⁶.

Чарльз Коннелл
Х. Л. Кервину

14 мая 1927 г.
Секретно

В порядке предварительной информации сообщаю Вам, что автору этого письма со стороны представителя АФТ в Калифорнии м-ра Дж. В. Дейла было сделано предложение попытаться собрать совещание с моим участием, а также с участием м-ра С. Хорна, члена Управления общественных работ в Лос-Анджелесе и бывшего секретаря Центрального совета тред-юнионов, чиновников министерства юстиции и представителя департамента полиции Лос-Анджелеса. Цель совещания — обсудить вопрос о растущей активности радикальных элементов в Лос-Анджелесе и в особенности в кругах, близких к Центральному совету тред-юнионов, а также в некоторых рабочих организациях. Весьма настороженно относясь к официальному участию в разрешении подобных дел из-за возможных осложнений, я решил действовать строго неофициальным, частным путем, принимая во внимание распространенное чувство антипатии ко всему, что не отвечает духу американизма и противоречит нашим законам и государственной практике. Поэтому я связался с капитаном Гопкинсом из министерства юстиции и Хайнсом, сотрудником законспирированной части департамента полиции Лос-Анджелеса, который осведомлен о деятельности красных в этом районе лучше, чем любой другой полицейский чин. Оба эти джентльмена ранее участвовали в подобного рода акциях и кооперировались с консервативными лидерами тред-юнионов, которые вполне искренне пытались изгнать радикальные элементы из своей среды.

Мне удалось достичь взаимопонимания между всеми заинтересованными сторонами. Выступая в качестве посредника, я обеспечил для участников мероприятия возможность встретиться в уединении с соблюдением полной конфиденциальности. Эта встреча дала возможность им обменяться мнениями и проинформировать друг друга о предпринимаемых шагах, которые должны содействовать взаимному ознакомлению с движением радикальных элементов, а также обеспечить обмен сведениями о тех из них, кто действует инкогнито, особенно о лидерах, их политике и намерениях.

12 мая стороны, о которых идет речь, встретились в моем служебном помещении. В ходе обсуждения возникшей ситуации состоялся обмен доверительной информацией, а также были выработаны планы противодействия распространению влияния радикальных элементов. Принятые меры схожи в основном с теми, к которым мы прибегали прежде и которые дали хорошие результаты. Возможно, что они оказались более эффективными, чем где бы то ни было в США.

М-р Дейл и м-р Хорн были снабжены сведениями о шести человеках, которые значатся в полиции как «коммунисты», а также о других лицах, которые являются восприимчивыми (к коммунистической идеологии.— П. К.) и т. д. Организовывая это совещание, я полагал, что оно будет способствовать АФТ в ее усилиях, направленных на искоренение радикальных элементов в ее рядах, а поэтому и действовал в полном соответствии с пожеланиями м-ра Дейла. Едва ли целесообразно вникать в детали состоявшегося обсуждения. Достаточно будет только отметить, что положение хорошо контролируется нами и определенное число лиц скоро будет изгнано из признанных законом организаций.

С уважением
Ч. Коннелл

Мы видели, что период становления федеральной секретной службы падает как раз на те годы, когда весь мир озаарили сполохи величайшего революционного взрыва, потрясшего в октябре 1917 г. устои старого общества. Именно в то время стал создаваться тайный фронт борьбы с рабочим движением в США, отработывались средства и приемы нейтрализации деятельности прогрессивных элементов, направленной на идейное освобождение рабочего класса от буржуазного влияния. В короткий срок Бюро расследований было развернуто в широкую, хорошо слаженную организацию, важнейшей обязанностью которой стала защита привилегий монополистической буржуазии от явной и скрытой угрозы, исходившей от широких демократических движений в стране. И все же, как ни усердствовало ведомство Гувера вкупе с пропагандистами классового мира, ему не удалось лишить рабочее движение жизненной силы, способности к сопротивлению и самостоятельности. С начала экономического кризиса 1929—1933 гг. в стране происходят новый мощный подъем борьбы рабочего класса, рост его самосознания и боевого духа.

²⁶ Ibid.